

Ань Жань плакала долго, пока наконец не начала медленно приходить в себя после той эмоциональной бури, в которой смешались восторг и отчаяние.

Слезы намочили подол ее белого платья и затуманили взор. Она подняла заплаканные глаза и сквозь пелену влаги снова посмотрела на виолончель, что безмолвно стояла перед ней.

Дюпор.

Легенда из легенд.

Она здесь, на расстоянии вытянутой руки.

Для любого виолончелиста это искушение, ради которого стоило бы продать душу. А Сыту Яо вот так, между делом, просто взяла и поставила этот соблазн перед ней.

Ань Жань медленно поднялась, ее ноги затекли от долгого сидения на корточках. Она не обратила внимания на своего старого друга, виолончель по прозвищу Малыш Си, оставленную у двери. словно ведомая невидимыми нитями, она шаг за шагом снова подошла к Дюпору.

Она протянула руку. На этот раз это не было робким касанием. Ее пальцы с почти религиозным трепетом скользили по изящному завитку головки грифа, по гладкой шейке, а затем опустились на деку, которая, несмотря на триста лет, прошедших с момента создания, сияла как новая.

От корпуса инструмента исходила удивительная, теплая вибрация — казалось, эта древняя виолончель живая и откликается на ее прикосновение.

В голове Ань Жань неотвратимо зародилась безумная мысль.

Она хочет сыграть на ней.

Она хочет услышать, какой именно пронзительный звук способен извлечь этот легендарный инструмент.

Стоило этой мысли появиться, как ее стало невозможно подавить. Она, словно лесной пожар, выжгла в душе девушки все остатки рассудка, страха и тревоги. Какая слежка, какие угрозы, какая зависимая жизнь... В этот миг, перед этой скрипкой Страдивари по имени Дюпор, все это казалось неважным.

Для артиста, который считает музыку своей жизнью, нет ничего более соблазнительного, чем сама музыка.

Ань Жань медленно села, глубоко вздохнула и с осторожностью, с какой обращаются лишь с хрупкими сокровищами, зажала Дюпор между коленями. В тот момент, когда корпус инструмента коснулся ее груди, она почувствовала, как ее собственное сердцебиение входит в удивительный резонанс с этой древней виолончелью.

Она взяла смычок. Его волос, пропитанный канифолью, был чуть шершавым. Рука девушки слегка дрожала — не от страха, а от запредельного возбуждения.

Она закрыла глаза. В памяти всплыла Прелюдия из Первой сюиты Баха для виолончели соло — мелодия, которую она проиграла не меньше десяти тысяч раз и которая давно впиталась в ее костный мозг.

Смычок коснулся струн.

Вум.

Насыщенный, глубокий, невероятно богатый обертонами звук открытой струны Соль мощно разлился по огромной репетиционной комнате с идеальной акустикой.

В тот же миг у Ань Жань от восторга побежали мурашки по коже.

Это был звук, который ей доселе не доводилось слышать.

Он был в сотни раз мощнее, чем голос Малыша Си, но при этом в сотни раз чище. В этом звуке, казалось, были заключены триста лет истории: битвы, дворцы, любовь и смерть. Он звучал как мудрец, повидавший на своем веку всё, и низким, глубоким голосом рассказывал ей бесконечно долгую историю.

Ань Жань была окончательно покорена этой нотой.

Больше не колеблясь, она позволила пальцам порхать по струнам, а запястью — вести смычок, плавно танцующий на четырех струнах.

Мелодичная и священная музыка полилась из корпуса Дюпора. Это был уже не тот тонкий, слегка суховатый звук, к которому она привыкла, а нечто... величественное. Каждая нота словно обретала жизнь, вибрируя в воздухе, переплетаясь и взмывая ввысь, чтобы в конечном итоге превратиться в мощную звуковую волну, которая била по барабанным перепонкам и очищала душу.

Она чувствовала, что не просто играет, а ведет диалог с этим великим инструментом. Казалось, он понимает все ее сокровенные чувства: каждое дрожание пальцев, каждое движение запястья он безупречно интерпретировал, усиливал и возвращал ей в еще более великолепном виде.

Ань Жань была полностью опьянена.

Она забыла о времени, о месте, забыла о Сыту Яо, забыла о том, что находится в роскошной клетке. В ее мире остались только она, Дюпор и бессмертная мелодия Баха.

Когда прозвучала последняя нота и ее эхо медленно растворилось в воздухе, Ань Жань еще долго оставалась в позе музыканта, не в силах прийти в себя.

Она медленно открыла глаза, и они снова наполнились слезами.

Но на этот раз не от страха или отчаяния, а от чистого, ни с чем не сравнимого чувства огромного счастья и глубокого волнения.

В этот момент тишину комнаты нарушил резкий звонок.

Ань Жань вздрогнула. Оглядевшись, она поняла, что это звонит новый телефон в подарочной коробке, которую она оставила в углу.

Поколебавшись, она подошла к коробке и достала смартфон нежно-розового цвета. На экране высветилось всего три имени.

Сыту Яо.

Сердце Ань Жань словно сжала невидимая рука.

Она смотрела на это имя, затем на бесценный Дюпор у себя в руках, и невыразимо сложные чувства нахлынули на нее. Она понимала, что права на отказ у нее больше нет.

Глубоко вздохнув, она провела пальцем по экрану, отвечая на вызов, и включила громкую связь.

— Алло? — ее голос прозвучал хрипло от недавнего возбуждения и слез.

— Плакала?

На том конце не было приветствий — лишь прямой вопрос. Холодный голос Сыту Яо отчетливо прозвучал из динамика.

Это был видеозвонок.

На экране Сыту Яо сидела в помещении, похожем на офис или лабораторию. На ней была белая рабочая одежда, черные волосы тщательно уложены, открывая высокий лоб и изящную шею. На ее лице не было косметики, взгляд был сосредоточенным и спокойным. Она молча смотрела на Ань Жань через экран.

Ань Жань инстинктивно захотела отвести взгляд, но поняла, что бежать некуда.

— Нет... нет, — упрямо ответила она, поспешно вытирая лицо тыльной стороной ладони.

Глядя на то, как она пытается скрыть очевидное, словно котенок, Сыту Яо чуть смягчилась во взгляде.

— Она тебе подходит, — Сыту Яо перевела взгляд с Ань Жань на Дюпор. — Или правильнее сказать, она ждала тебя.

— ... — Ань Жань не знала, что на это ответить.

— Бах только что прозвучал отлично, — продолжила Сыту Яо. — На голову выше того, как ты играла на Малыше Си. Я же говорила: он тебя ограничивал.

Она что... все это время слушала?

От этой мысли по спине Ань Жань пробежал холодок. Неужели в этой комнате установлены прослушивающие устройства?

— Тебе не нужно нервничать, — Сыту Яо словно прочла ее мысли и спокойно пояснила: — Акустические датчики в этой комнате подключены к моему кабинету. Я просто хотела убедиться, понравился ли тебе подарок, который я приготовила.

Опять она.

Она всегда находит благовидный, даже подчеркнуто заботливый предлог для любого своего властного поступка.

Ань Жань обняла Дюпор еще крепче. Она чувствовала, что эта виолончель — не просто музыкальный инструмент, а самая неотвратимая рука, которую Сыту Яо протянула к ней.

— Нравится? — Сыту Яо смотрела ей прямо в глаза.

На этот раз Ань Жань не могла солгать.

Перед лицом такого божественного инструмента ни один виолончелист в мире не смог бы сказать «нет».

Она посмотрела на спокойную и красивую женщину на экране и, наконец, тихо, с трудом выдавила:

— Да.

Это слово прозвучало тихо, словно вздох.

Но Сыту Яо, кажется, осталась довольна. Уголки ее губ едва заметно дрогнули.

— Раз нравится, сыграй для меня.

Она откинулась на спинку кресла, приняв удобную позу, словно готовясь насладиться частным концертом, предназначенным только для нее.

— Хочу послушать.

Это была не просьба, а приказ.

Ань Жань сжала телефон в руке, внутренняя борьба почти разрывала ее на части.

Она знала: если согласится, это будет означать, что она окончательно приняла правила игры, установленные Сыту Яо. Она больше не будет той свободной Ань Жань, которая могла играть для кого угодно. Ее музыка и ее талант станут собственностью одного человека — Сыту Яо.

Но могла ли она отказать?

Она взглянула на одинокий старый футляр у двери, а затем на ослепительный Дюпор, который, казалось, стал частью ее крови.

Она знала, что пути назад нет.

С того момента, как она решила войти в эту комнату, с того момента, как ее дрожащие пальцы коснулись корпуса Дюпора, она потеряла право говорить «нет».

— ...Хорошо.

Наконец Ань Жань выдавила из себя это слово.

Она поставила телефон на пюпитр так, чтобы камера была направлена на нее. Затем снова села, выровняла дыхание и приготовилась играть.

На этот раз она выбрала Лебедя Сен-Санса.

Мелодичная, нежная и полная светлой печали музыка медленно наполнила комнату. Звук был все таким же великолепным, но теперь в нем появилась нотка, которую не осознавала даже сама Ань Жань, — нотка надломленности.

Она была как лебедь со сломанным крылом, который все равно продолжает петь, отдавая свой последний и самый прекрасный крик хозяину, заточившему его в клетку.

По ту сторону экрана Сыту Яо молча слушала.

Она не проронила ни слова, лишь пристально, не мигая, смотрела своими бездонными глазами на девушку с розовыми волосами, чье лицо было полно печали, но при этом выглядело ошеломляюще прекрасно.

В ее взгляде больше не было привычного спокойствия и сдержанности — их заменила почти обжигающая, неприкрытая одержимость и жажда обладания.

Когда музыка стихла, Ань Жань медленно опустила смычок, ее грудь часто вздымалась.

— Очень красиво, — нарушила тишину Сыту Яо. Ее голос звучал чуть более хрипло, чем раньше. — Моя Ань Жань — настоящий гений.

От этого интимного «моя Ань Жань» сердце девушки сжалось, словно от удара током.

— Послушай... — Ань Жань не решилась продолжать эту тему и поспешно сменила ее: — Та моя старая виолончель, Малыш Си, я...

— Оставь ее там, — холодно бросила Сыту Яо. — Больше она тебе не понадобится.

— Но...

— Ань Жань, — в голосе Сыту Яо впервые прозвучала непререкаемая строгость. — Ты достойна только самого лучшего. Я не хочу больше видеть в твоих руках ничего, что тебя недостойно. Поняла?

Ань Жань вздрогнула от неожиданной резкости и машинально кивнула.

— Умница, — тон Сыту Яо мгновенно вернулся к привычной холодной нежности. — На сегодня хватит. Иди домой отдохни, водитель уже ждет внизу.

Сказав это, она в одностороннем порядке прервала видеозвонок.

Экран погас.

В комнате снова воцарилась тишина.

Ань Жань сидела неподвижно. Лишь спустя долгое время она медленно повернула голову в сторону двери.

В том забытом углу, в своем старом потертом футляре, тихо и одиноко лежала виолончель по имени Малыш Си, сопровождавшая ее всю юность.

Она смотрела на нее, а затем на ослепительный Дюпор у себя в руках.

Огромная, неопишуемая печаль накрыла ее с головой.

— Малыш Си, — она протянула руку, словно пытаясь коснуться старого футляра на расстоянии, и прошептала сквозь слезы: — Неужели я... тебя бросила?

<http://bllate.org/book/20547/2052064>